

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ЭКСТРАДИЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Экстрадиция неизменно остается ключевым направлением международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Тем не менее, существующая правовая конструкция, призванная обеспечить возможную выдачу из России в иностранное государство, очевидно, все еще далека от совершенства, поскольку стабильно вызывает неудовлетворенность со стороны правоприменителя, представителей ученого сообщества и собственно законодателя, который время от времени пытается изменить к лучшему соответствующие положения УПК РФ. На наш взгляд, корень многочисленных проблем, сопутствующих применению мер пресечения в рамках экстрадиционных отношений, кроется в «двойных стандартах», поразивших ключевые аспекты правовой регламентации рассматриваемого явления в российском законодательстве. Без учета и надлежащего научного анализа этого фактора вряд ли возможно создать теоретическое обоснование, позволяющее придать преобразованиям системную стройность и рассчитывать на действительно целостный результат.

Где и в чем именно проявляются упомянутые выше двойные стандарты? Следуя дедуктивному методу (от общего к частному), в первую очередь необходимо крупными мазками обозначить уровни (разрезы) их проявления, к которым мы относим следующие:

в соотношении положений международного и национального права, определяющих меру обеспечения выдачи;

в соотношении положений национального законодательства (УПК РФ), определяющих режим применения (избрания, продления) меры пресечения в «обычном» порядке и в рамках экстрадиционных отношений;

в толковании всех указанных положений высшими судебными инстанциями.

На базовом (первом) уровне – соотношение между положениями международного и национального права – двойственность заключается, прежде всего, в определении характера принуждения, применяемого в целях обеспечения выдачи.

Все без исключения существующие международные договоры Российской Федерации в качестве обязательного условия сношений по вопросам выдачи предусматривают заключение запрашиваемого к выдаче лица под стражу (арест), что признается оправданной и необходимой мерой, полностью согласующейся с основными международными документами в области

соблюдения прав человека, например, с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 04.11.1950)¹.

В соответствии с этим, к запросу иностранного государства об экстрадиции для осуществления уголовного преследования должно прилагаться постановление (или его заверенная копия) о заключении под стражу, а к запросу для приведения приговора в исполнение – приговор (заверенная копия), предусматривающий наказание в виде лишения свободы, с отметкой о вступлении его в законную силу и текст положения уголовного закона, на основании которого лицо осуждено (см., например, ч. 2 ст. 12 Европейской конвенции о выдаче 1957 г.). В свою очередь, запрашиваемая сторона по получении запроса о выдаче обязана немедленно принять меры к взятию под стражу лица, указанного в запросе (см., например, ст. 60 Минской конвенции).

Однако в УПК РФ применительно к выдаче говорится уже, как минимум, о двух мерах (пресечения): не только о заключении под стражу, но и о домашнем аресте – в случае, если к запросу о выдаче прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу (ч. 2 ст. 466).

Для случаев, в которых прилагается к запросу решение о заключении под стражу принято не судебным, а иным компетентным органом иностранного государства, законодатель не только не ограничивает вид меры пресечения, но и не предусматривает обязательности ее избрания (ч. 1 ст. 466 УПК РФ), отсылая правоприменителя к общим положениям УПК РФ (гл. 13 «Меры пресечения»).

Здесь необходимо обратить внимание, что в силу конституционной иерархии источников российского права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 3 ст. 1 УПК РФ) такие предписания не могут применяться вопреки правилам, установленным международными договорами Российской Федерации. С этой позиции они относимы лишь к правоотношениям, возникающим на основе принципа взаимности, либо в рамках исполнения международных договоров Российской Федерации, предусматривающих возможность избрания иной, кроме заключения под стражу, меры пресечения.

Двойные стандарты данного, системообразующего, уровня не могли не отразиться на остальных правовых плоскостях института экстрадиционного принуждения.

В национальном законодательстве (то есть на втором уровне) сконцентрировано наибольшее число положений, отражающих отсутствие единого концептуального подхода к определению мер обеспечения выдачи.

Здесь ключевой момент, на наш взгляд, кроется в неоднозначном определении законодателем природы и существа принуждения, призванного обеспечить экстрадицию. Как отмечалось выше, из

¹ См. п. «f» ч. 1 ст. 5.

ст. 466 УПК РФ, на первый взгляд, ясно следует, что оно является не чем иным, как мерой уголовно-процессуального пресечения. В то же время, в ч. 5 ст. 460 УПК РФ не менее четко установлено два вида решений о заключении под стражу для целей выдачи: первое – постановление об избрании его (заключения под стражу) в качестве меры пресечения; второе – вступивший в законную силу приговор. Очевидно, что во втором случае арест не является мерой уголовно-процессуального пресечения, поскольку последняя, как известно, прекращает свое действие одновременно с вступлением приговора в силу. В свою очередь это означает, что понятие экстрадиционного принуждения имеет гораздо более широкое содержание (логический объем), чем мера пресечения, следовательно, данные категории недопустимо «ставить на одну ступень».

Далее законодатель, с одной стороны, предусматривает для экстрадиционного принуждения (в форме меры пресечения) самостоятельное основание, обособляя его по качественно иному (целевому) признаку от оснований избрания меры пресечения в «обычном» судопроизводстве (ч. 2 ст. 97 УПК РФ). С другой стороны – не дифференцирует в зависимости от этого признака порядок разрешения вопроса о необходимости избрания (при получении запроса о выдаче без судебного ареста – ч. 1 ст. 466 УПК РФ) или продления (во всех случаях) меры пресечения.

Между тем, специальное основание (обеспечение выдачи – ч. 2 ст. 97 УПК РФ) предполагает, что предметом процедуры судебного избрания меры пресечения, инициируемой прокурором при отсутствии судебного решения в запросе о выдаче (ч. 1 ст. 466 УПК) должны являться не «обычные» обстоятельства (так называемые материальные основания меры пресечения – данные о возможности скрыться, продолжить преступную деятельность и др. – см. ч. 1 ст. 97 УПК РФ), а соблюдение правил и процедур выдачи, установленных в соответствующих международных договорах и национальном законодательстве России (наличие и правильность оформления запроса иностранного государства о выдаче и необходимых сопутствующих документов, включая решение о заключении под стражу; наличие оснований и условий выдачи (ст. 464 УПК РФ); отсутствие оснований для отказа в выдаче (ст. 464 УПК РФ) и др.).

Данный тезис находится в правовом единстве и системной взаимосвязи с характерной чертой экстрадиции – минимальным объемом юрисдикции, передаваемой от запрашивающего государства, которое сохраняет за собой все важнейшие полномочия в уголовной и уголовно-процессуальной сферах, в отличие от других видов международного сотрудничества по уголовным делам – правовой помощи, передачи уголовного преследования. В этом аспекте выдача представляет собой международное обязательство одного государства взять под стражу и передать запрошенное лицо в иностранную юрисдикцию.

Следовательно, объективные предпосылки для проведения процедуры продления срока ареста в общем порядке отсутствуют, поскольку цель (основание) заключения под стражу в данном случае, естественно, не изменяется (все та же ч. 2 ст. 97 УПК РФ), а вопрос о так называемых материальных

основаниях избрания (продления срока) меры пресечения находится вне российской юрисдикции. Это тем более справедливо при наличии в запросе о выдаче судебного решения, когда арест изначально применяется без подтверждения судом Российской Федерации (ч. 2 ст. 466 УПК РФ), но уже через два месяца (при продлении срока) оно «вдруг» должно быть пересмотрено российским судом «по всей строгости закона», то есть в общем порядке.

В совокупности приведенные законодательные комбинации образуют крайне неоднородное правовое пространство, пораженное пороком «логического круга», создающего серьезные помехи не только непосредственному применению, но и толкованию рассматриваемых правовых положений высшими судебными инстанциями (третий уровень проявления двойных стандартов).

Еще в 2006 году Конституционный Суд Российской Федерации определил, что ст. 466 УПК РФ не предполагает возможность применения к лицу, в отношении которого решается вопрос о выдаче его другому государству для привлечения к уголовной ответственности, меры пресечения в виде заключения под стражу вне предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством порядка и сверх установленных им сроков применения данной меры пресечения. При этом Суд пояснил, что действие положений главы 13 «Меры пресечения», как общих норм, распространяется на все стадии и формы уголовного судопроизводства, поэтому ими и следует руководствоваться при исполнении поручений о выдаче.

Очевидно, в приведенной позиции Конституционный Суд Российской Федерации не учитывает вычлененные выше сущностные характеристики меры принуждения по обеспечению экстрадиции, по аналогии с УПК РФ приравнивая ее к обычной мере пресечения. Следовательно, имеются основания говорить о серьезном просчете в теоретическом (понятийном) фундаменте данного подхода, что, в свою очередь, не позволило разрешить целый ряд вытекающих насущных вопросов:

разрыв «вынужденной» взаимосвязи со сроками предварительного следствия, тяжестью преступления, личностью обвиняемого и другими моментами, важными для продления срока ареста в порядке ст. 109 УПК РФ;

неопределенность в режиме применения меры пресечения по запросам о выдаче для исполнения приговора, который вступил в силу и поэтому исследование обстоятельств, имеющих значение при избрании или продлении ареста, как меры пресечения, принципиально не требуется;

неопределенность в режиме применения меры пресечения после принятия и вступления в силу решения о выдаче, в том числе – при передаче выдаваемого лица (ст. 467 УПК РФ), в рамках которой истечение общего срока ареста влечет необходимость немедленного освобождения выдаваемого лица из-под стражи, а возможность повторного избрания в этой ситуации меры пресечения в виде заключения под стражу отсутствует (ч. 9 ст. 108 УПК РФ) и др.

Естественно, позиция Конституционного Суда Российской Федерации была взята за основу в последовавших руководящих решениях Верховного Суда Российской Федерации и Генеральной

прокуратуры Российской Федерации, вынужденных кардинальным образом поменять свои предыдущие «стандарты», которые, на наш взгляд, были существенно ближе к обозначенному выше смыслу института выдачи.

В частности, ранее в своих решениях Верховный Суд Российской Федерации исходил из того, что срок содержания под стражей выдаваемого лица регулируется не положениями ст. 109 УПК РФ, а нормами международного договора и уголовно-процессуального закона запрашивающей стороны. Аналогичный подход прослеживался и в утратившем силу организационно-распорядительном документе Генеральной прокуратуры Российской Федерации (от 20.06.2002 г. № 32/35 «О порядке рассмотрения ходатайств иностранных государств об экстрадиции в связи с введением в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Теперь же в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» прямо поясняется, что при разрешении вопроса об избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу суду необходимо рассмотреть возможность избрания иной меры пресечения, которая должна быть достаточной для обеспечения возможной выдачи лица (п. 16). При этом, добровольная явка лица в правоохранительные органы Российской Федерации, наличие у него на иждивении в Российской Федерации семьи, несовершеннолетних детей, места постоянного пребывания в Российской Федерации, тяжелого заболевания могут позволить суду не избирать или не продлевать в отношении данного лица ранее избранную меру пресечения в виде заключения под стражу (п. 17) и т.д.

Получить представление о том, как работают приведенные предписания в правовых реалиях, на наш взгляд, не сложно. Для этого достаточно взять в расчет два обстоятельства. Первое – объем и характер информации, направляемой запрашивающей стороной в рамках ходатайства о выдаче, априори не достаточны для избрания (продления) заключения под стражу в строгом соответствии с положениями гл. 13 УПК РФ (в силу иного назначения этой информации, вытекающего из самого существа института выдачи). Второе – несмотря на это, процентная доля применения иной меры пресечения, кроме как заключение под стражу, ничтожно мала. В свою очередь, это свидетельствует о том, что судьи и прокуроры успешно адаптировались к формальностям на фоне адекватного восприятия смысла экстрадиционного принуждения.

Такая картина не лучшим образом характеризует состояние правового регулирования рассматриваемого вопроса, которое, очевидно, нуждается в совершенствовании. Необходимое условие – тотальное искоренение двойных стандартов, как ключевого негативного фактора.